

ОКСАНА В. ГОЛОВАШИНА

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0002-9911-175X

Места памяти: между метафорой и концептом

doi: 10.22394/2074-0492-2022-1-18-38

Резюме:

В статье автор рассматривает истоки и дефиницию понятия «места памяти», а также показывает возможности его использования в качестве исследовательской оптики. Поводом для внимания автора стала сложившаяся традиция отождествления мест памяти с материальными объектами, которая, как показывает наше исследование, не соответствует первоначальному замыслу Пьера Нора и значению термина. Для решения поставленной задачи автор на первом шаге предлагает краткое описание возглавляемого Нора проекта и предлагаемую им самим дефиницию *lieu de mémoire*. Нора выделяет три аспекта, позволяющих лучше определить основное понятие его проекта: материальность, символичность, функциональность, причем ключевое значение отводит символичности. Далее, автор рассматривает истоки проекта и его предшественников, обосновывая, что места памяти выступают продолжением концепции «социальных рамок» М. Хальбвакса, переосмысленной через анализ мнемонических мест в интерпретации Ф. Йейтс. Проект Нора, оказавшись возможным только в ситуации отказа от линейной каузальности исторического нарратива, пересекается с идеей «археологии знания» М. Фуко и романтическим антиисторизмом В. Беньямина, однако вместо их конфликтной перспективы предлагает дипломатичный консенсус *lieu de mémoire*. Затем автор представляет взгляд на проект Нора Ф. Артога, рассматривающего проект мест памяти как новую модель времени и способ историописания, которые он использует для формирования своего метода осмысления прошлого. Далее, чтобы рассмотреть возможности применения оптики П. Нора, автор обозначает основные признаки, которые связаны

Головашина Оксана Владимировна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник УГИ УрФУ, главный редактор журнала «Tempus et memoria». Научные интересы: социальная теория, социальная эпистемология, теория событий, социальная темпоральность, коллективная память. E-mail: ovgolovashina@mail.ru

с местом памяти. Таким образом, место памяти представляет собой «останки» прошлого, связанные с определенными коммеморативными практиками, подверженные множественным интерпретациям, способные к изменениям, но сохраняющие при этом свое значение. Нивелирование сложности и дискуссионности мест памяти, а также заложенной в них конфликтности сводит их использование в научном дискурсе к метафоре или риторической фигуре. Вслед за Артогом автор предлагает увидеть в местах памяти Нора эвристический инструмент, представляющий собой определенную оптику для исследований прошлого. Осмысление места памяти как эстетического понятия позволяет интерпретировать его в качестве эпистемологической рамки, использование которой может нивелировать идеологическую заинтересованность и политические пристрастия исследователя, говорить о нации и национальной идентичности без национализма, а также рассматривать места памяти в качестве способа исследования локального прошлого.

Ключевые слова: историческая память, социальная память, места памяти, Нора, lieu de mémoire, Артог, Фуко, Беньямин

Oksana V. Golovashina¹

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

19

Realms of Memory: between Metaphor and Concept

Abstract:

In this article, the author examines the origins and definition of the concept of realms of memory, and demonstrates the possibilities of its use as a research optic. The reason for the author's attention is the established tradition of identifying realms of memory with material objects, which does not correspond to Pierre Nora's original intention and the meaning of the term. In order to meet this challenge, the author first offers a brief description of Nora's project and his own proposed definition of the lieu de mémoire. Nora identifies three aspects to better define the core concept of his project: materiality, symbolism, functionality; he attributes key importance to symbolism in particular. Next, the author looks at the origins of the project and its predecessors. The author argues that realms of memory act as an extension of Halbwachs's concept of "social framework" and Yeats's reinterpreted idea of mnemonic places. Nora's project, being possible only in a situation of a rejection of linear causality of historical narrative, intersects with the idea of Foucault's "archaeology of knowledge" and Benjamin's romantic anti-historicism. However, instead of their conflicting perspective, it offers a diplomatic consensus of lieu de mémoire. The author then presents a perspective on Nora's project by F. Hartog, who sees in the

1 Golovashina Oksana Vladimirovna — Doctor of Philosophy, Leading Researcher at UrFU, Editor-in-Chief of the journal "Tempus et memoria". Research interests: social theory, social epistemology, event theory, social temporality, collective memory. E-mail: ovgolovashina@mail.ru

project of realms of memory a new model of time and historiography. Next, in order to explore the applicability Nora's optics, the author outlines the primary features associated with the realms of memory. Thus, a realm of memory is a "remnant" of the past associated with certain commemorative practices, subject to multiple interpretations, capable of change but retaining its significance. Leveling the complexity and debatability of memory sites, as well as the conflictuality inherent in them, reduces their use in scientific discourse to a metaphor or rhetorical figure. Following Hartog, the author proposes to view Nora's places of memory as a heuristic tool which represents a certain optic for research into the past. Understanding realms of memory as an aesthetic concept makes it possible to interpret them as an epistemological framework, the use of which can moderate the ideological interests and political biases of the researcher, to talk about nation and national identity without nationalism, and to consider memory sites as a way to research the local past.

Keywords: historical memory, social memory, realms of memory, Nora, lieu de mémoire, Hartog, Benjamin

Введение

20

В 1980 г. Пьер Нора выпустил статью, открывающую первый номер издаваемого им журнала «Дебаты» [Nora 1980: 3-19], в которой критиковал неспособность интеллектуалов к критическому мышлению. Социальные науки, утверждал Нора, уже убедили человека в том, что его язык — это социальная конструкция, а сам он не способен понимать мотивов своих поступков. В чем теперь состоит цель социальных наук? Современные интеллектуалы успели привыкнуть к позиции «архаичного тирана» и не видят проблемы в этом положении. Нора считает, что критичность мышления позволит вернуть пропагандируемый им «режим интеллектуальной демократии», для создания которого необходимо уменьшить разрыв между знанием, эпистемологией и мнением. Лучше всего для этой цели подходит история. Она, как заметил Нора, лишена пустой и чересчур изощренной философской риторики, позволяет лучше понять современное общество и, следовательно, действовать с большей проницательностью. Заметим, что призыва к достоверности или объективности исторического знания в этой речи, как и в других работах Нора, не было.

Для Нора, активного популяризатора истории, стремившегося нивелировать пропасть между историком и его аудиторией, интеллектуала, активно выступающего за независимость Алжира, история оказывается вариантом публичной практики, которая должна удовлетворять потребности общества, а не служить целям научного знания. Проект мест памяти (lieu de mémoire), с его принципиальной нелинейностью и критическим отношением к клас-

сической историографической традиции, соответствует принципам, которые пропагандировал Нора, однако значит ли это, что его идеи могут быть интересны только как часть истории публичной политики?

В предлагаемой статье мы, оставив за скобками общественную активность Нора, предлагаем рассмотреть эвристический потенциал его проекта и самого понятия «места памяти». Поводом для нашего внимания стала сложившаяся в российской исследовательской литературе и научно-популярном дискурсе традиция отождествления мест памяти с материальными объектами, которая, однако, не соответствует ни первоначальному замыслу Нора, ни даже значению термина. *Lieu de mémoire* связан с латинским *locus*; его можно было бы истолковать как «место, опираясь на которое память удерживает свои образы». Это понятие Нора берет из древней риторической традиции Цицерона и Квинтилиана, которые, описывая мнемонические приемы, рекомендовали связывать идею с местом, чтобы обеспечить порядок в речи [Квинтилиан 1834: 342-344; Цицерон 1972: 357-358]. Эта мысль потом получит развитие в искусстве памяти эпохи Возрождения [*Constat igitur artificiosa memoria ex locis et imaginibus* — предлагаемое Ф. Йейтс определение искусства памяти¹]. Выбранный Нора термин по-разному переводится на европейские языки, что зачастую предопределяет его дальнейшее использование исследователями. Не слишком удачный, но уже сложившийся перевод *lieu de mémoire* как место памяти способствовал тому, что в отечественной гуманитаристике и среди подхвативших этот термин общественных активистов местами памяти называют в основном памятники, все чаще связанные исключительно с Великой Отечественной войной. Похожим образом обстоит дело в Нидерландах (*plaats van geheugen*). Также на пространственном аспекте делают акцент исследователи в Германии (*Erinnerungsort*), что все-таки не мешает немецким ученым в качестве *Erinnerungsort* изучать Реформацию и Бундеслигу [François, Schulze 2005]. В испаноязычной традиции распространены термины *entorno* (установка), *contexto* (контекст) и *lugar* (место). Английский вариант «*realms*» можно признать одним из самых удачных, так как акцент оказывается не на конкретном месте (пространстве), но на самой структуре, хотя вариант «*place*» или даже «*site*» также довольно распространен в англоязычной литературе.

В этой работе мы не будем касаться многочисленных недостатков или слабостей проекта Нора, которые достаточно подробно разобраны исследователями [Gervereau 2011; Valensi 1995; Хаттон 2004 и др.].

1 «Искусная память состоит из мест и образов» [Йейтс 1997: 18].

Мы предполагаем, что идея мест памяти — это не только своеобразный взгляд на историю французской республики, но и теоретическая оптика, использование которой позволит противопоставить операционному отношению к истории осмысление и схватывание прошлого. Исходя из этого, далее мы проанализируем, может ли концепция мест памяти П. Нора стать эпистемологической рамкой в *memory studies*. Для этого мы кратко опишем проект «Места памяти» и предлагаемую Нора дефиницию *lieu de mémoire*, затем проясним истоки и предшественников проекта и в заключение покажем, какие аспекты мест памяти позволяют использовать эту категорию как способ представления прошлого и какие возможности это может открыть.

Проект «Места памяти»: от идеи к воплощению

Восьмилетний проект исследования мест памяти Франции под руководством П. Нора (1984–1992) воплотился в грандиозном коллективном труде объемом в почти пять тысяч страниц. В работе над проектом участвовало 125 ученых, большинство из которых были французами.

Инициатива французских историков была подхвачена теоретиками Германии, Нидерландов и др. [den Boer, Frijhoff 1993; Isnenghi 1997; François, Schulze 2005; Sabrow 2009; van Sas 1995]; во Франции продолжались издания сборников «мест памяти» других стран [Alcaraz 2017; Nivat 2007; François, Schultze 2007]. Своеобразным продолжением проекта можно назвать коллективный труд «Транснациональные места памяти центральной Европы» [Rider, Csáky, Sommer 2002], а также ряд работ, в которых авторы описывают общеевропейские или важные для европейских регионов места памяти [den Boer 2012; Weber 2011].

Простое перечисление объектов внимания авторского коллектива (например, Пантеон, Французская Академия наук, Жанна д'Арк, национальный флаг, Эльзас) свидетельствует не столько о широте научных интересов, сколько о том, что термин «места памяти» остался не совсем понятен и самим участникам проекта. Изначально коллектив планировал издание трех томов: «Республика», «Нация» и «Франция», каждый из которых должен был включать темы, последовательно раскрывающие социальные, религиозные, политические блоки, и показывать специфику французских регионов. Однако, как заметил Нора, логика проекта определила ход его развития [Нора 1999: 67]. Уже работа с томом «Нация» выявила необходимость пересмотра вектора внимания, который теперь касался нематериальных (наследие, историография), материальных (территория, государство) и идеальных («слова и слава») составляющих.

В отличие от первого тома, посвященного довольно очевидным вещам для всех, кто обращается к французской истории (Марсель-еза, Пантеон, Столетие французской революции и др.), дальнейшая работа требовала более строгой концептуализации объекта исследования и больше сюжетов, необходимость которых вытекала из заявленных прежде тем. Например, как писал Нора, сложно представить проект, претендующий на всеохватность, если в нем не будет статьи, посвященной Старому порядку, однако за этой статьей следуют и другие темы, которые обязательно должны быть, если затронута тема политической памяти, — «франки и галлы», «левые и правые» [Там же]. Наверное, структура частично повлияла на последующую рецепцию мест памяти: первый том был в основном посвящен материальным свидетельствам прошлого, что продолжается в работах авторов, следующих традиции, заложенной Нора, — или собственной интерпретации этой традиции. Однако анализ *lieux de mémoire* прежде всего как осязаемого места (например, памятники) снижает возможный эвристический потенциал этой категории.

В основе замысла Нора лежало идущее от Э. Ренана определение нации через сообщество воспоминаний; истоки этого представления можно найти еще у Дж. Локка, доказывающего, что именно память (совокупность моментов-воспоминаний) позволяет человеку констатировать, что он на протяжении длительного времени остается тождественным себе [Локк 1985: 387-388]. Предлагаемая им модель национальной истории представляла собой изучение памяти французов через фильтр истории, или «историю второй степени», хотя критики были склонны называть подобный подход «самоанализом французской нации» [Джадт 2004: 56] и туристической прогулкой по французской истории [Там же: 55]. При разработке своего проекта Нора также вдохновлялся примером французского историка Эрнеста Лависса, который в своей многотомной работе создал позитивистский канон видения французской истории. Подражая «национальному учителю» [Nora 1962] в масштабности замысла, Нора тем не менее стремился «разрушить этот раздражающий жанр “Истории Франции”, разъяв единый и непрерывный рассказ» [Нора 1999: 12], и представить места памяти как адекватное настоящему прочтение прошлого, т. е. репрезентацию прошлого Франции, но через образы (*lieux de mémoire*), а не историографию. Если Лависс создал национальную историю, стремившись интегрировать прошлое Франции при Старом порядке в историографическую стратегию Третьей республики, Нора создает историю памяти, показывая, что, вопреки всем разрывам, прошлое, которое осталось позади в проекте Лависса и сложившейся историографической традиции вообще, продолжает находиться рядом. Линейности прежних эпистемологических стра-

тегий он противопоставил мозаичность отдельных взглядов, связи прошлого и будущего — связь настоящего с памятью. Коллективная память не может исчезнуть, потому что ее никогда не существовало — в лучшем случае речь могла идти о памяти отдельных групп [Нора 1977: 228]. Новая история «символического типа», на его взгляд, лучше отражает потребности его времени, чем привычный линейный нарратив [Нора 1999: 12], так как отрицает «националистическую версию галлоцентристской, имперской и универсалистской нации» [Нора 1999: 64], предлагая вместо историографии память, которая выступает в качестве главного способа обретения нацией единства и легитимности. Новый взгляд на прошлое, который пропагандирует Нора в своем проекте, приводит к необходимости пересмотра сложившейся в XIX в. концепции нации. В заключительной к проекту статье Нора отрицает идеи Ренана и пишет о нации как общности, сформированной не историей и образом будущего (культ наций и повседневный плебесцит), а восхищением культурой и природой Франции [Нора 1999: 142].

24

В заключение этого раздела рассмотрим подробнее, что сам Нора называет местами памяти и в чем сложность предлагаемого им определения. Во введении к первому тому коллективного труда Нора предлагает считать местами памяти образы прошлого, воплощающие «максимум смысла в минимуме знаков». Он выделяет три аспекта, позволяющих лучше определить ключевое понятие его проекта: материальность, символичность, функциональность. Материальность в понимании Нора не обязательно связывается с физическим носителем этой материальности (зданием, памятником и т. д.), потому что минута молчания или поколение как места памяти также материальны. Функциональность также иногда определяется только потребностями авторов: «...в соответствии с нашей гипотезой», — пишет Нора в вводной статье и больше не возвращается к этой теме. Символический аспект оказывается самым приоритетным, потому что объект может называться местом памяти, только если выступает в качестве «объекта какого-либо ритуала» [Нора 1999b: 40]. Похоже, что выделение трех составляющих необходимо авторам, чтобы в очередной раз провести различие представляемого проекта и официального исторического нарратива, который как раз символический аспект зачастую оставляет за скобками. Логично, что после восьми лет работы Нора акцентирует внимание только на этом аспекте, подчеркивая, что эвристический смысл проекта состоял в том, чтобы произвести дематериализацию мест памяти и превращения их прежде всего в символический инструмент [1999d: 138]. Не отрицая ценность такого подхода и соглашаясь с интенцией проекта, обратим внимание, что сведение *lieu de mémoire* к символическому аспекту вызывает закономерный вопрос:

«есть ли во Франции что-то, что не было бы местом памяти?» [den Boer, Frijhoff 1993: 17].

Проблемы с дефиницией понятия обернулись тем, что в исследовательской литературе *lieu de mémoire* чаще используются как метафора. Нора предостерегал против понимания своего проекта как туристической прогулки по истории Франции, но именно это и произошло. Следствием метафоричности можно считать повышенный интерес к термину за пределами интеллектуальной среды. Местами памяти называются патриотические сайты (например, местопамяти.рф), кладбища и улочки, по которым нравилось гулять в детстве. Таким образом, вместо эпистемологической рамки места памяти стали больше похоже на картинки с магнитика на холодильник. Нам представляется, что прояснение истоков как самого понятия *lieu de mémoire*, так и предлагаемой Нора концепции, а также выявление составляющих содержания понятия будут способствовать увеличению его эвристического потенциала.

Проект Нора как «место памяти»

Необходимость изучения мест памяти Пьер Нора постулирует еще в 1974 г. в известной коллективной монографии «Создание истории», соредактором которой (вместе с Жаком Ле Гоффом) он выступил [Le Goff, Nora 1974]. В авторской главе «Возвращение факта» Нора настаивает на необходимости истории современного, а не прошлого; позитивистской интерпретации события в истории он противопоставляет «формальную феноменологию события», учитывающую влияние общественного мнения и способы распространения информации. Интересно, но в этой статье память не воспринимается им как основа нового видения истории, однако его трактовка события через различные символические аспекты приближается к тому, что через несколько лет Нора назовет *lieu de mémoire*. В 1977 г. Нора с отсылками к М. Фуко призывает вернуться к исследованию элементов, которые оставались за пределами внимания официальной историографии, «не для того, чтобы заполнить пробел в ткани памяти или добавить звено во временную цепочку, а для того, чтобы реконструировать социальное как целое, начиная с выбранного объекта» [Nora 1977: 229]. В следующей коллективной работе «Новая история», выпущенной как манифест третьего поколения школы Анналов, Нора готовит статью «коллективная память», в которой можно увидеть набросок его будущей программы [Nora 1978]. Становление и первичная апробация идей будущего проекта происходили на семинаре по проблемам коллективной памяти, который в 1980-е годы в Высшей школе социальных наук вел П. Нора. Участниками семинара были многие будущие соавторы проекта.

Свою критику предшествующей историографии сам Нора связывает с влиянием школы Анналов, пересмотревших традиции историописания и, в частности, с Ф. Бродемом, который одним из первых предложил новую модель времени в истории, что, как мы увидим ниже, важно для проекта Нора. Места памяти выступают продолжением концепции «социальных рамок» М. Хальбвакса, переосмысленной через анализ мнемонических мест в интерпретации Ф. Йейтс.

Объявляя себя наследником М. Хальбвакса, Нора развивает его идею о социальной обусловленности образов прошлого, соглашаясь с тезисом Э. Дюркгейма о том, что память — это не индивидуальный процесс хранения и обработки информации, а определенные социальные практики. Благодаря усилиям П. Нора идеи Хальбвакса, которые после критики их М. Блоком не замечались историками, постепенно стали популярной рамкой для исследования прошлого. Однако, как отмечает Нора, крестьянство как основной носитель коллективной памяти практически исчезло, а значит, вместо живой памяти мы имеем дело только с ее останками — местами памяти. Концептуализируя коллективную память, Хальбвакс тем не менее не описывал механизмы, которые определяют трансформацию и изменение образов прошлого в представлениях людей. Нора также не озвучивает эти механизмы на уровне теоретических тезисов (в отличие от, например, Дж. Олика [Olick 2007]), однако вскрывает их, работая с конкретными кейсами. Носителем коллективной памяти у французского социолога как наследника Э. Дюркгейма оказывается группа, которая использует пространственные ориентиры как мнемонические приемы. Коллективная память пространственна, а пространство стабильно; стабильность пространства и связь с ним группы делают пространство передатчиком традиции.

Хальбвакс строго различает историю и память, но сам процесс воспоминаний у него оказывается историчным; после опыта исторической реконструкции в работе «Легендарная евангельская топография в Святой земле» проект Нора об осмыслении истории через память кажется вполне логичным. Отметим, однако, что, в отличие от Хальбвакса, память у Нора оказывается не исключительно социальной, а представляет собой переосмысление через личный опыт социальных рамок памяти.

Сохраняя тезис о пространственной обусловленности образов памяти М. Хальбвакса, Нора дополняет ее идеями Ф. Йейтс, в описании которой средневековые мнемотехники выступают в качестве концептуальной схемы. «Ибо места весьма подобны восковым табличкам или папирусу, образы — буквам, упорядочение и расположение образов — письму, а произнесение речи — чтению» [Йейтс 1997: 18]. Йейтс трактует образ как форму, знак или подобие, которые должны связываться с каким-то пространственным объектом, что-

бы сохраниться в памяти. Не важно, что между именами мужчин дворянского рода и названиями домов средневековой улицы нет прямой связи — в том, чтобы ее найти, заключается искусство памяти. Места памяти переосмысливают идею локусов, описываемых Йейтс, сохраняя интенцию множественности образов, конструированных (в случае Нора как последователя Хальбвакса — социальными группами) и связанных с каким-либо объектом.

Однако, кроме М. Хальбвакса и Ф. Йейтс, у проекта Нора есть менее очевидные предшественники. Для пересмотра историографической традиции и построения проекта истории современности обращения только к исследователям памяти и наследию школы Анналов было недостаточно. В концепции *lieu de mémoire* также можно проследить идеи М. Фуко и В. Бенямина.

Как и М. Фуко, Нора идет от настоящего к прошлому, критикуя линейную конструкцию времени, противопоставляя ей разрывы как основные события в истории [Фуко 2004]. Содержанием исторического знания становится не последовательный исторический нарратив, а система дискурсивных практик, при этом основной темпоральной категорией оказывается настоящее. Однако это не то настоящее, которое находится между прошлым и будущим, а новая темпоральная категория вне линейности, необратимости или непрерывности. Соответственно, в этих условиях теряют смысл определения начала и конца событий, линейная каузальность как следствие течения времени; следовательно, историческое знание, если и имеет право на существование, должно строиться на совсем других основаниях. «История перестает быть мнемонической конструкцией и становится вместо этого археологической реконструкцией» [Хаттон 2004: 350]. Прошлое уже не может выступать в качестве пассивного объекта познания, однако его «археология» у Нора вызвана скорее романтической ностальгией по прежнему историческому сознанию, чем стремлением построить новую эпистемологию¹. Места памяти представляют собой генеалогию представлений, историю памяти больше, чем собственно историю, даже в относительно современной ее трактовке школы Анналов. Как и Фуко, Нора и его сотрудники «участвуют в археологическом квесте, с помощью которого они могут ретроспективно “раскрыть” традиции и определить, каким образом они сформировались» [Нора 1996: XII].

Если Фуко называют «диагностом настоящего», то Нора развивает направление, которое он лично обозначил как «история настоящего», подчеркивая, что одна из целей его проекта — «изжить то прене-

1 Хотя сам Нора отмечает, что в процессе работы ностальгии ни он, ни члены его коллектива не испытывали [Нора 1999: 62].

брежение, с которым относились к истории современности» [Нора 1999: 13]. Сохраняя интуицию Фуко о новой трактовке настоящего, Нора постулирует разрыв и с прежней историографической традицией, воплощенной в фигуре Лависса, и с прошлым как одним из атрибутов линейной модели времени. Прошлое оказывается таким же неизвестным, как когда-то будущее, привычные в линейной модели категории становятся автономными и меняют свое содержание — «в этом и состоит главная причина превращения памяти в динамичное начало и залог непрерывности» [Нора 1999: 142-143].

Фуко обращал внимание на контрпамять (в терминологии П. Хаттона) — т. е. на историю оппозиционных дискурсивных практик и репрезентаций; Нора подчеркивает имманентную оппозиционность коллективной памяти — в отличие от официальной историографии. Его проект содержал только две статьи, посвященные сюжетам, которым уделяли мало внимания во французских учебниках истории: одна о Вандее — регионе, связанном с контрреволюцией, и одна о *Mur des Fédérés*, посвященная Парижской коммуне, однако общий пафос работы позволяет судить о том, что потенциал этой оптики в проекте Нора не был раскрыт в достаточной мере. Мы вернемся к этой теме ниже.

28

Романтическое отношение П. Нора к традиционным представлениям о прошлом и подавлению их современной историографической традицией пересекается с идеями В. Беньямина о замене опыта (*Erfahrung*) как ритуализированных действий инструментальной реакцией (*Erlebnis*). Опыт у Беньямина — это не эмпирика, а непосредственное следствие работы памяти; он передается через традицию, которая, как он считает, способна сохранить опыт без потери смысла. Критику гегелевской философии истории, а также политической обусловленности исторического процесса, характерной для прежней историографии, можно интерпретировать как ответ Беньямина на возрастающее ускорение социальных процессов и усиление внимания к социальному вообще. Историческое время рождается только в момент связи между прошлым и настоящим. Переводчик Пруста, Беньямин также находится в поисках утраченного времени, оспаривая историю через память. Произведение прошлого никогда не является завершенным [Беньямин 2000], следовательно, прошлое продолжается в настоящем. Поэтому Беньямин, как впоследствии Нора, выступал против историзма, стремясь построить новую концепцию истории, в центре которой оказывается понятие «вспоминания». Антиисторизм и романтическая привязанность к руинам Беньямина как к символу исторической быстротечности оборачивается у Нора местами памяти как реликтами («останками») прошлого; по мнению Ф. Артога, «Пассажи» Беньямина можно называть более сложной и менее националистической версией мест памяти Нора

[Hartog 2013]. Пафос Бенямина, как и Нора, в том, чтобы представить коллективную историю — не «жизнь, какой она была», и даже не жизнь, которую помнят, а жизнь, какой она была забыта [Ibid: 28]. То есть историк оказывается не тем, кто фиксирует данные источников в соответствии с принятыми в той или иной период дискурсивными практиками, а детективом (не зря у Бенямина появляется образ Шерлока Холмса), который ищет то, что было скрыто победившей историографией. Характерная для Бенямина феноменологическая диалектика прошлого в настоящем и скорее эстетическая, чем объективистская трактовка исторической истины оборачивается у Нора отказом от исторической объективности за счет практически художественного описания образов и практик. К эстетизму, важному как для Нора, так и для Бенямина, мы также вернемся позже.

Говоря о Фуко и Бенямине как предшественниках Нора, необходимо обратить внимание на одно важное отличие проекта «мест памяти» от идей этих авторов. Нора позиционирует свои места памяти как точку консенсуса, однако у Бенямина и Фуко консенсус оказывается результатом, зафиксированной победой одной из сторон. Сохраняя интуицию истории как процесса эмпансипации, Нора при этом старается избежать конфликта, без которого его предшественники не мыслили работу истории; историк у Нора выступает в качестве дипломата, а не детектива. Это приводит к некоторой «сглаженности» получившихся образов, сложности различения консенсуса мест памяти и образов победителей в стиле историографии Лависса. Возвращение конфликтности, борьбы разных голосов, которую можно проследить в описаниях конкретных мест памяти, придало бы методу Нора дополнительную обоснованность.

29

Таким образом, проект П. Нора продолжает линию Э. Дюркгейма, заявившего о возможности осмысления коллективной памяти как одного из видов социальной практики. Нора сохраняет интуиции ученика Дюркгейма Хальбвакса о социальной обусловленности образов прошлого и противопоставления истории и памяти, однако переосмысляет их через идею «локусов» Ф. Йейтс; именно локусы позволяют говорить об «останках» коллективной памяти как «местах». Проект Нора, оказавшись возможным только в ситуации отказа от линейной каузальности исторического нарратива, пересекается с идеей «археологии знания» М. Фуко и романтическим антиисторизмом В. Бенямина, однако вместо их конфликтной перспективы предлагает дипломатичный консенсус *lieu de mémoire*.

Имеет ли место значение?

П. Нора называл свои места памяти диагнозом, однако Ф. Артог предложил посмотреть на них как на симптом [Hartog 1995]. С его

точки зрения, Нора показал кризис современного исторического знания и невозможность писать историю как науку о том, что было. Вместо описания прошлого историк «должен объяснять настоящее современности», выступать не бесстрастным историографом, а позиционировать себя «между слепым вопросом и просвещенным ответом, между общественным давлением и уединенным терпением лаборатории, между теми, кто чувствует, и теми, кто знает». Это, как подчеркивает Артог, и был подход автора мест памяти [Hartog 2013: 18].

Соавтор и внимательный читатель Нора, он показывает возможности применения оптики своего коллеги, которая не сводится к анализу памятников Ленина, роли Вечного огня в патриотическом воспитании или музея как места памяти, а представляет собой метод для понимания и определения того, как формулировались отношения между прошлым, настоящим и будущим в разное время и в разных местах. Связывая Нора с Бенямином, Артог акцентирует внимание на создании новой модели истории — «истории второй степени», в которой наследие воссоздает настоящее. Следуя за Нора, он предлагает свой метод, в котором линейности истории противопоставляется «презентизм» — взгляд на прошлое через оптику настоящего; а историзму и позитивистской историографии — режимы историчности, представляющие собой объяснительные модели, которые помогают нам прояснить переживания времени в конкретной эпохе и конкретном месте [Ibid: 15].

Сам Нора отметил, что «места памяти существуют только постольку, поскольку, если можно так выразиться, историк в состоянии “меморизировать” место» [Нора 1999: 72], но «вопрос заключался в том, чтобы понять, позволяет ли факт рассмотрения их в качестве “мест памяти” сказать об этих топосах нечто иное, что невозможно было бы выразить без этого» [Там же]. Иными словами, место памяти представляет собой способ, при помощи которого люди продолжают возвращаться к прошлому. Если мы хотим рассмотреть эвристические возможности этого понятия, мы должны понять, о каком способе идет речь. Память — это не содержание истории, но ее форма, места памяти оказываются инструментом, использование которого позволяет памяти сделать историей.

Для того чтобы рассмотреть возможность применения оптики П. Нора, обозначим основные существенные признаки, связанные с *lieu de mémoire*, кроме выделяемых автором материальности (что бы ни имелось под ней в виду), символичности и функциональности, о которых мы писали выше.

Во-первых, место памяти конституирует дискуссионность выделенного при помощи этого понятия образа прошлого. То есть важным оказывается не материальный, функциональный или симво-

лический момент сам по себе, а напряжение между необходимостью помнить и стремлением забыть, что и приводит к постоянным дискуссиям вокруг того или иного места памяти. Обозначенная автором дискуссионность не маркируется автором как источник конфликта, а, скорее, констатируется в качестве определенного консенсуса; важным Нора считает не борьбу (как Беньямин) или противоречия римской и библейской версии истории (как Фуко), а возможность договориться. Если для Нора этот аспект позволяет пересмотреть связь «места памяти» с идентичностью (прежде всего, национальной) и показывать политические и идеологические битвы, то нам представляется важной возможность избежать тоталитарности набора дат и событий условного школьного курса истории, а также диктата сложившихся традиций историописания. Так понятая дискуссионность оказывается более значимой для определения объекта в качестве места памяти, чем перечисление их качеств, которые предлагает сам П. Нора. Прошлое в этой интерпретации менее востребовано идеологическими акторами, чем однозначные трактовки официальной историографии, потому что *lieu de mémoire*, в силу множественности интерпретаций, обладает способностью ускользать от предназначенного ему (историками или политиками) места.

31

Эта особенность проявляется, например, в противопоставлении истории Франции и «Франций». Нет единой историографии, не оставляющей места для той самой критичности, о которой Нора говорил в своей речи, нет государственного самосознания, вклад в которое, безусловно, внес своим проектом вдохновлявший Нора Лависс. Мы говорим о множественности мест памяти, множественности Франций. Это позволяет нам осмыслять не только государственную, но и локальную историю, историю групп, которую официальная историография не принимала во внимание, а также рассматривать события прошлого, критично относясь к сложившейся традиции его описания. Сохраняя интуиции Бенямина и Фуко, Нора, таким образом, вместо конфликта предлагает пространство диалога.

Во-вторых, называя места памяти «останками», Нора определял их в качестве реликтов более подлинных связей с прошлым, затмеваемых подъемом современного исторического сознания. И если для Нора эта остаточность определяется прежде всего официальной историографией, мы можем исследовать влияние любых трансформаций на тот или иной образ прошлого. Нора заменяет историческую модель описания мемориальной; оптика мест памяти, вопреки утверждению Нора об определяющем влиянии идей модернизма на переосмысление прошлого, может подходить, чтобы, например, показать преемственность языческих и христианских религиозных святынь [Rose 2016] или рассматривать призрак как *lieux de mémoire* [Tamás 2013]. Нора намекает на объективность прошлого в этих останках, но в зазо-

ре между отсутствующим знанием и присутствующей памятью можно увидеть больше воображения, чем того, что было. Мы не можем исследовать объективное прошлое, как доказали еще В. Беньямин и школа Анналов, но можем понять способы и условия его конструирования. Материальность этих «останков» противостоит идее ассимиляции прошлого историей; исторический нарратив не может исчерпать память, она трансформируется не только под влиянием официального исторического нарратива, но и по своим внутренним законам, которые отражаются в местах памяти. Разрыв между материальностью и репрезентацией позволяет вернуться к тем самым рамкам, которые постулировал Хальбвакс, переосмысляя их не только как социальный конструкт, проявление доминирующей историографии, но и в качестве контрпамяти в терминологии М. Фуко.

При этом определение мест памяти как останков мешает крайней конструктивистской трактовке этого понятия. Конечно, тотальность настоящего и археология истории не позволяют рассматривать прошлое как что-то объективное, однако «останки» прошлого оказываются способными сопротивляться интерпретациям. Скорее, речь идет именно о критике претензий позитивистской истории на познание прошлого как реальности, а не отказа от познания прошлого вообще.

В-третьих, места памяти обязательно предполагают наличие коммеморативных практик, которые связаны с этими объектами. Эти практики конституируют определенные аспекты групповой идентичности [Roux 2012: 157-159; Fernández-Götz 2014: 83-84]. Нора ностальгически замечает, что накопление данных вытеснило ритуал запоминания, однако оставшиеся реликты выступают поводом для новых ритуалов. Он пишет, что места памяти оказались следствием деритуализации мира, оценивая музеи и кладбища как хранителей прошлого в тот период, когда живой памяти все меньше, однако кладбища или музеи, не связанные с практиками их посещения, перестают быть местами памяти. Если прежде прошлое воспроизводилось в ритуальных практиках (как это описал Дюркгейм), то сейчас, как замечает Нора, само место памяти несет в себе необходимые смыслы. «Это то, что скрывает, облачает, устанавливает, создает, декретирует, поддерживает с помощью искусства и воли общество, глубоко вовлеченное в процесс трансформации и обновления, сообщество, которое по природе своей ценит новое выше старого, молодое выше дряхлого, будущее выше прошлого» [Нора 1999: 26]. Оставив художественный пафос этой цитаты за скобками, мы можем заметить, что место памяти оказывается агентным, детерминируя те коммеморативные практики, которые с ним связаны. Это позволяет трактовать места памяти как институты, в которых накапливается и кристаллизуется современная память.

В-четвертых, сами места памяти при этом оказываются способны к изменениям, даже метаморфозам, которые позволяют им сохранять свою роль, несмотря на постоянное обновление значений. Непрерывность, которая прежде была характерна для исторического нарратива, теперь ограничивается рамками конкретного места памяти. На наш взгляд, именно дискуссионность и конфликт различных интерпретаций и моделей описания может выступать в качестве источника изменений.

Мы подчеркиваем, что нивелирование сложности и дискуссионности мест памяти, а также заложенной в них конфликтности сводит их использование в научном дискурсе к метафоре или риторической фигуре. Вслед за Артогом мы предлагаем увидеть в местах памяти Нора эвристический инструмент, представляющий собой определенную оптику для исследования и переосмысления прошлого.

Эстетика места

Как отметил П. Хаттон, Нора вскрывает прошлое, но только для того, чтобы, в лучшем случае, отпраздновать его события [Хаттон 2004: 351]. Однако, если «историк больше не может быть посредником между прошлым и будущим... он по-прежнему является посредником внутри круга событий» [Hartog 1995].

Проект Нора развивался уже в ситуации победившей критики метанарративов, которая оказала влияние и на историческое знание. Просветительское представление о том, что именно история наилучшим образом подходит для того, чтобы воспитать личную и общественную добродетель [Болингброк 1978: 11], потеряло актуальность в период смены ценностных парадигм и множественности идентификационных моделей. Позитивизм предложил методологию исторического исследования, направленную на получение «подлинного» знания, однако любое «подлинное» уже проанализировано как социальный конструкт. Гидом на пути к поискам исторической истины оказываются скорее ценности, чем исторические источники [Ankersmit 2004: 5], а степень распространения той или иной трактовки зачастую определяется способами ее преподнесения, а не обоснованностью источниками и аргументацией. В этой ситуации неудивительно, что определение Нора ближе к полю эстетического.

На современном этапе, когда границы художественного и научного размываются [Бодрийяр 2000] и предмет исследования эстетики выходит за пределы произведений искусства, обращение к эстетике носит не только художественное, но и эпистемологическое значение. «Искусство есть “обретение формы” — формы для того,

что до этого еще не имело формы» [Зедльмайр 2000: 181]. Эстетика рассматривает способы изображения аналогий нашего мира; Харман, связывая с эстетикой будущее философии [Харман 2016], вероятно, имел в виду именно этот ее аспект. Произведение искусства может обладать когнитивной ценностью [Gaut 2007; Kieran, Lopes 2006; Young 2001] за счет признания с его помощью множественных форм познания, «схватывания» мира [Gibson 2008: 13]. Ранее Фуко называл эстетизацией стремление к преобразованию себя [Вен 2013: 139]. Если рациональное познание предполагает претензию на истину и соблюдение определенных законов, то эстетическое дает больше пространства для свободы высказываний. Однако отметим, что с эстетикой практически всегда оказывается связан субъективный аспект, который становится тем больше, чем дальше оказывается теологическая идея сотворения мира [Гадамер 1993: 123]. Массовое использование притяжательных «мы», «наше» (более ста случаев личного местоимения «мы» во всех текстах, подписанных Пьером Нора) подчеркивает тесную связь между современниками и памятью нации. Отмеченные эстетикой многовариантность, многоплановость и неисчерпаемость произведения искусства вполне соответствуют характеристике места памяти. Важным представляется не сам объект эстетического восприятия, а явления, связанные с этим объектом [Tomas, 1959], соответственно, не имеет большого значения, идет ли речь о картине, романе или образе Жанны Д'Арк. Кроме того, эстетика позволяет выйти за пределы дихотомии рационального и эмоционального, используя когнитивные возможности эмоций, восприятий, представлений, воображения. Этот ход нам нужен не для того, чтобы снизить требования к теоретической обоснованности мест памяти; скорее, расширяя содержание понятие познания, мы можем точнее определить места памяти, способствуя таким образом их своеобразной концептуализации. Такая трактовка соответствует общему пафосу речи Нора о необходимости уменьшить разрыв между знанием, эпистемологией и мнением, о который мы упоминали в начале статьи. Конечно, места памяти представляют собой инверсию привычной модели прошлого, историографической стратегии или восприятия пространства, на что опирался Арто, описывая «режимы историчности», однако эта инверсия лежит в основе эстетического взгляда, который может выступать вариантом исследовательской оптики. Нация как наследие и история (в понимании Ренана) уступила места общественному сознанию нации как проекта; отказ от общественного в пользу эстетического мог выступать как вполне закономерный шаг. Если прошлое не гарантирует будущего, то память оказывается единственным способом говорить о преемственности, какими бы разрывами она бы ни сопровождалась.

Лучшее, что может сделать для своей страны историк, — это способствовать тому, чтобы идея нации не являлась монополией националистов [Finkelkraut 2007]. Можно предположить, что эту мысль разделяет и Нора. Места памяти отменяют линейную каузальность, которую постулировало прежнее историческое знание, предлагая взамен эстетический взгляд на останки прошлого. Как отметил один критик: «Есть много способов разрезать торт, но редко бывают случаи, чтобы получилось разрезать его заново. Работа Пьера Нора — это как раз такой случай» [Troiansky 1998: 135].

Таким образом, места памяти — это символический объект, обладающий материальностью и функциональностью; он представляет собой «останки» прошлого, связанные с определенными коммеморативными практиками, подверженные множественным интерпретациям, способные к изменениям, но сохраняющим при этом свою символическую роль. Эта трактовка позволяет нам интерпретировать *lieu de mémoire* в качестве эпистемологической рамки, использование которой позволяет избежать обвинений в идеологической заинтересованности, рассматривать объекты прошлого без субъективности политических пристрастий, говорить о нации и национальной идентичности без национализма и истории, роль которой не исчерпывается патриотическим воспитанием. Французскому проекту политической нации Нора противопоставляет переосмысленную через оптику Бенямина немецкую культурную нацию, в которой память оказывается актором, выступающим против идеологии, а догматизму истории победителей противостоит дискуссионность и изменчивость мест памяти. Таким образом, инструментальный *lieu de mémoire* может быть перенесен на другие периоды без привязки к модерну и эпизоды, которые остались за пределами внимания Нора (например, колониальная история), а также использован в качестве способа исследования локального прошлого. Группы, регионы получают ресурс для конструкции/реконструкции своего прошлого и места в национальной истории, если есть в этом потребность; национальная история, в свою очередь, может выступать как место памяти в прошлом более крупных регионов.

35

Библиография / References

Беньямин В. (2000) О понятии истории. Новое литературное обозрение, 46. (<http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/razdut.html>).

— Benjamin V. (2000) On the Concept of History. *New Literary Review*, 46. (<http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/razdut.html>). — in Russ.

Бодрийяр Ж. (2000) Прозрачность зла, М.: Добросвет.

— Baudrillard J. (2000) *The Transparency of Evil*, M.: Dobrosvet. — in Russ.

Боллингброк Г. С. Д. (1978) Письма об изучении и пользе истории, М.: Наука.

— Bolingbroke G. S. D. (1978) *Letters on the Study and Benefits of History*, М.: Nauka. — in Russ.

Вен П. (2013) Фуко. Его мысль и личность, СПб.: Владимир Даль.

— Wen P. (2013) *Foucault. His Thought and Personality*, St. Petersburg: Vladimir Dahl. — in Russ.

Гадамер Г.-Г. (1993) Введение к «Истоку художественного творения». Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет, М.: Гнозис.

— Gadamer G.-G. (1993) *Introduction to the "Source of Artistic Creation". Heidegger M. Works and reflections of different years*, М.: Gnosis. — in Russ.

Джадт Т. (2004) Места памяти П. Нора. Чьи места? Чья память? *Ab Imperio*, 1: 44-71.

— Judt T. (2004) Places of memory of P. Nora. Whose places? Whose memory? *Ab Imperio*, 1: 44-71. — in Russ.

Зедльмайр Г. (2000) Искусство и истина. Теория и метод истории искусства, СПб.: Axioma.

— Zedlmayr G. (2000) *Art and Truth. Theory and Method of Art History*, St. Petersburg: Axioma. — in Russ.

36

Йейтс Ф. (1997) Искусство памяти, СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга».

— Yates F. (1997) *The Art of Memory*, St. Petersburg: Foundation for the Support of Science and Education "University Book". — in Russ.

Квинтилиан Марк Фабий (1834). Двенадцать книг риторических наставлений, СПб: Типография Императорской Российской Академии. (<http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1409447560#2-4>).

— Quintilian Marcus Fabius (1834). *Twelve books of rhetorical instructions*, St. Petersburg: Printing House of the Imperial Russian Academy. (<http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1409447560#2-4>).

Локк Дж. (1985) Опыт о человеческом разумении. Локк Дж. Сочинения. Т. 1, М.: Мысль: 387-388.

— Locke J. (1985) *An Essay Concerning Human Understanding*. Locke J. *Essays*. Vol. 1, М.: Thought: 387-388. — in Russ.

Нора П. (1999) (ред.) Франция-память, СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета.

— Nora P. (1999) (ed.) *France-Memory*, St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. — in Russ.

Фуко М. (2004) Археология знания, СПб: Университетская книга.

— Foucault M. (2004) *Archeology of Knowledge*, St. Petersburg: Foundation for the Support of Science and Education "University Book". — in Russ.

Харман Г. (2016) За эстетикой — будущее философии. (<https://www.colta.ru/articles/art/12175-grem-harman-za-estetikoy-buduschee-filosofii>).

- Harman G. (2016) *Beyond Aesthetics — the Future of Philosophy*. (<https://www.colta.ru/articles/art/12175-grem-harman-za-estetikoy-buduschee-filosofii>). — in Russ.
- Хаттон П. (2004) История как искусство памяти, СПб: Владимир Даль.
- Hutton P. H. (2004) *History as an Art of Memory*, Saint Petersburg: Vladimir Dahl. — in Russ.
- Цицерон Марк Туллий (1972) Тракаты об ораторском искусстве. Кн. II. М., Наука.
- Cicero Marcus Tullius (1972) *Treatises on Oratory*. Book II. М.: Nauka.
- Alcaraz E. (2017) *Les lieux de mémoire de la guerre d'indépendance algérienne*, Paris: Karthala.
- Ankersmit F. R. (2004) In Praise of Subjectivity. Carr D., R. Flynn Th., Makkreel R. A. (eds.) *The Ethics of History*, Evanston: Northwestern University Press: 3-26..
- Boer P. den (2012) (Hrsg.) *Europäische Erinnerungsorte*, München: Oldenbourg Verlag. 3 Bde.
- Boer P. den, Frijhoff W. (1993) (dir.) *Lieux de mémoire et identités nationales*, Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Fernández-Götz M. (2014) *Identity and Power: The Transformation of Iron Age Societies in Northeast Gaul*, Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Finkelkraut A. (2007) "Qu'est-ce qu'être français aujourd'hui? Entretien avec Pierre Nora et Paul Thibaud." Alain Finkelkraut (ed.) *Qu'est-ce que la France?* Paris: Stock: 259.
- François E., Schultze H. (2007) (dir.) *Mémoires allemandes*, Paris: Gallimard.
- François E., Schulze H. (2005) (Hrsg.) *Deutsche Erinnerungsorte: eine Auswahl*, Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung.
- Gaut B. (2007) *Art, Emotions and Ethics*, New York: Oxford University Press.
- Gervereau L. (2011) *Les images mentent ? Manipuler les images ou manipuler le public*, Paris. (www.gervereau.com).
- Gibson J. (2008) Cognitivism and the Arts. *Philosophy Compass*, 3: 1-17.
- Hartog F. (1995). Temps et Histoire. «Comment écrire l'histoire de France?» *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, 50 (6): 1219-1236.
- Hartog F. (2013). *Croire en l'Histoire*, Paris: Flammarion.
- Isnenghi M. (1997) *I luoghi della memoria*, Roma-Bari: Laterza.
- Kieran M., Lopes D. M. (2006) *Knowing Art: Essays in Aesthetics and Epistemology*, New York: Springer.
- Le Goff J. (1978) (dir.) *La nouvelle histoire*, Paris: Retz-C. E.P. L.
- Le Goff J., Nora P. (1974) (dir.) *Faire de l'histoire: nouveaux problèmes*, Paris: Gallimard.
- Nivat G. (2007) (dir.) *Les sites de la mémoire russe*, Paris: Fayard.
- Nora P. (1962) Ernest Lavis: Son rôle dans la formation du sentiment national. *Revue historique*, 463: 73-106.
- Nora P. (1977) Mémoire de l'historien, mémoire de l'histoire: Entretien avec J.-B. Pontalis. *Nouvelle revue de psychanalyse*, 15-16: 221-232.
- Nora P. (1980) Que peuvent les intellectuels ? *Le Débat*, 1 (1): 3-19.
- Nora P. (1996) (ed.) *Realms of Memory: The Construction of the French Past*, Vol. I: Conflicts and Divisions, New York: Columbia University Press.

Olick J. K. (2007) Figurations of Memory: A Process-relational Methodology Illustrated on the German Case. J. K. Olick (ed.) *The Politics of Regret: on Collective Memory and Historical Responsibility*, New York: Routledge: 86-118.

Poux, M. (2012) Religion, sanctuaires et pratiques cultuelles en Gaule: Quarante ans d'innovations. Olivier L. (ed.) *Le musée d'archéologie nationale et les Gaulois du XIXe au XXe siècle. Antiquités nationales*, Numéro spécial. Saint-Germain-en-Laye: Musée d'archéologie nationale: 151-169.

Rider J. Le, Csáky M., Sommer M. (2002) (Hrsg.) *Transnationale Gedächtnisorte in Zentraleuropa*, Wien- München-Bozen: Studien Verlag.

Rose D. S. (2016) Lieux de Mémoire, Central Places, and the Sanctuary of Ribemont-sur-Ancre: A Preliminary Look. Mandich M. J., Derrick T. J., Gonzalez Sanchez S., Savani G., Zampieri, E. (eds) *Proceedings of the Twenty-Fifth Annual Theoretical Roman Archaeology Conference*, Leicester 2015, Oxford: Oxbow Books: 57-75.

Sabrow M. (2009) (Hrsg.) *Erinnerungsorte der DDR*, München: Beck.

Sas N. C. F. van (1995) (ed.) *Waar de Blanke Top der Duinen. En Anderevaderlandse Herinnerigen*, Amsterdam: Pandora pockets.

Schwartz V. R. (2001) Walter Benjamin for Historians. *The American Historical Review*, 106 (5):1721-1743.

Tamás B. (2013) Ghosts as Sites of Memory. Varga P., Katschtaler K., Morse D. E., Takács M. (szerk.) *Loci Memoriae Hungaricae I: The Theoretical Foundations of Hungarian 'lieux de mémoire'*, Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó: 152-68.

Tomas V. (1959) Aesthetic Vision. *The Philosophical Review*, 68 (1): 52-67.

Troyansky D. G. (1998) Review Reviewed Work(s): Realms of Memory: The Construction of the French Past, Vol. One: Conflicts and Divisions by Pierre Nora, Lawrence D. Kritzman and Arthur Goldhammer. *The History Teacher*, 32 (1): 135-136.

Valensi L. (1995) Histoire nationale, histoire monumentale. Les lieux de mémoire (note critique). *Annales-Histoire Sciences sociales*, 6: 1271-1277.

Weber M. (2011) (Hrsg.) *Erinnerungsorte in Ostmitteleuropa. Erfahrungen der Vergangenheit und Perspektiven*, München: Oldenbourg Verlag.

Young J. O. (2001) *Art and Knowledge*, London-New York: Routledge.

Рекомендация для цитирования:

Головашина О. В. (2022) Места памяти: между метафорой и концептом. *Социология власти*, 34 (1): 18-38.

For citations:

Golovashina O. V. (2022) Realms of Memory: between Metaphor and Concept. *Sociology of Power*, 34 (1): 18-38.

Поступила в редакцию: 19.01.2022; принята в печать: 21.02.2022

Received: 19.01.2022; Accepted for publication: 21.02.2022